

ПРИНЦИПАТ АВГУСТА: ОТ РЕСПУБЛИКИ К МОНАРХИИ

Принципат рассматривается обычно как установившийся в 27 г. до н.э. режим, сочетавший единоличную власть с сохранением республиканских институтов, или как по-республикански оформленную монархию¹. В таком контексте его создатель Август представляется часто лживым и циничным узурпатором, прикрывавшимся республиканской фразеологией. Эта концепция, берущая начало в античной историографии, в новое время получила дополнительный импульс: обличение тиранических и тоталитарных режимов подкреплялось античными реминисценциями и аналогиями.

В современной историографии указанная трактовка, излишне упрощающая и искажающая суть явления, постепенно преодолевается. Подчеркивается, что республиканско-монархическая двойственность принципата была обусловлена внутренней противоречивостью не только Римского государства, но и всей сложившейся социальной системы, объединявшей полисные и имперские структуры². При этом выявляется переходный характер правления Августа³. Эта тенденция, связанная с деидеологизацией и избавлением от ряда модернизаторских штампов, весьма плодотворна. Обращение к истокам античной традиции Августова принципата поможет рассеять многие заблуждения и получить более адекватное представление о сущности режима.

В январе 27 г. до н.э. Октавиан, контролировавший важнейшие рычаги государственной власти, объявил о сложении с себя чрезвычайных полномочий и возвращении Республики сенату и Римскому народу (RGDA. 34; *Dio Cass.* L. 2-13). Согласно Диону Кассию и Тациту (*Tac. Ann.* I), Октавиан, получивший тогда имя Август, организовал этот фарс, чтобы ввести в заблуждение сограждан: на самом деле была установлена монархия. Но насколько

¹ См.: *Машкин Н.А.* Принципат Августа: Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С.602, ср. 408, 552; *Утченко С.Л.* Древний мир: События. Люди. Идеи. М., 1969. С.208-215; *Шифман И.Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С.6, 103 и след.

² Социально-психологическая природа двойственности раннего принципата вскрыта в работах Г.С. Кнабе. См.: *Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит: Время. Жизнь. Книги. М., 1981. С.33 и след.; *Он же.* Древний Рим - история и повседневность. М., 1986. С.27 и след.; *Он же.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993. Раздел IV. См. также: *Егоров А.Б.* Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С.3, 103 и др. Более подробный историографический анализ и, в целом, развернутую аргументацию см.: *Межеричкий Я.Ю.* "Республиканская монархия": метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994.

³ См.: *Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate* / Ed. K.A. Raafaub and M.Toher. Berkeley etc., 1990.

аутентична такая трактовка, зафиксированная спустя десятки и сотни лет после событий? Судить об урегулировании 27 г., как и о характере установившегося тогда режима, следует прежде всего исходя из отношения к ним участников и свидетелей происходившего, людей, принадлежавших к тому социуму и к той ментальности, внутри которых и развивались интересующие нас процессы. С данных позиций принципат - это прежде всего то, чем он был для современников⁴.

Итак, воспринимали ли современники установившийся в 27 г. режим как "восстановленную Республику"? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо иметь в виду, что *res publica* в понимании самих римлян - не конкретная форма государства, а такое его состояние, при котором государство является "общественным достоянием" (*Cic. Resp. I. 39* etc.), т.е. не стоит над гражданским коллективом, а выражает его волю, служит интересам граждан.

Нет ни одного синхронного свидетельства в пользу предположения, что урегулирование января 27 г. до н.э. рассматривалось в Риме и Италии как узурпация власти, покушение на "свободу" и "республику". Напротив, данная акция была воспринята с энтузиазмом, поскольку в ней видели прежде всего восстановление нормального, конституционного порядка. Государство не раздиралось более на куски алчущими власти "партиями", вновь став общим достоянием граждан. Еще в 30 г. до н.э. сенат и народ посвятили Октавиану арку с надписью *RES PUBLICA CONSERVATA* (*Dess. 1*). "Возвращение (восстановление) республики Римскому народу" зафиксировали под 27 г. Пренестинские фасты. *Pietas* Августа, что означало помимо прочего его приверженность традиционным установлениям, была отмечена в надписи на *clipeus virtutis*, дарованном ему сенатом (RGDA. 34.2. Ср.: CIL. VI. 876; IX. 5811). Впоследствии о возвращении провинций народу скажет Овидий (*Ovid. Fast. 589*). Впрочем, все эти свидетельства, как и легенды на монетах аналогичного содержания и даже мнение Тита Ливия (*Liv. Per. 134*), могут быть поставлены под сомнение как отражение официальной версии. Но в словах известной надписи, т.н. *Laudatio Turiae* (CIL. VI.1527.I.25 = ILS. 8393. 25-26): *Pacato orbe terrarum res(tituta) a re publica ...*, - безошибочно угадывается охватившее всех чувство облегчения и удовлетворения происшедшим. Та же картина предстает из современной событиям поэзии "золотого века".

Этим данным часто противопоставляются надписи из Восточных провинций, свидетельствующие, что их жители с самого начала воспринимали правление Августа как монархию⁵. При этом недооценивается географический, этнический и, в первую очередь, историко-культурный факторы. Информация, имеющая отношение только к Востоку империи, расценивается как серьезный аргумент, якобы разоблачающий камуфляжный характер "республиканской" фразеологии. Но жители Восточных провинций, в том числе греки (в отличие от римлян), давно усвоили монархическую идеологию. Для них обычным

⁴ См.: *Millar F. State and Subject: The Impact of Monarchy // Caesar Augustus: Seven Aspects. Oxford, 1984. P.40.*

⁵ *Ibid. Esp. P.43. Ср.: Price S.R.F. Rituals and Power: the Roman Imperial Cult in Asia Minor. Cambridge, 1984. Сводка документов: Rome and the Greek East to the Age of Augustus / Ed. R.K.Sherk. Cambridge etc., 1984.*

было воздание божеских почестей уже республиканским полководцам. На Востоке Август уже в начале своего правления действительно выступал как монарх и таким представлялся местному населению. Но это не мешало ему в Италии быть принцепсом, консулом, обладателем трибунских полномочий и "спасителем Республики".

Если мы от географического измерения перейдем к хронологическому, то и здесь обнаружим различные восприятия принципата, разные ментальности, и соответственно, - разные режимы уже в самом Риме. И не только в 27 г. до н.э. и в начале II в. н.э. (Тацит), но даже в 23, 2 гг. до н.э., 14 г. н.э. и далее. Можно ли в таком случае определить событие, указать дату, которая превратила гражданина в подданного, а "восстановленную республику" - в монархию? Представляется, что нет. Даже в одном регионе, Италии, превращения вызревали в течение жизни нескольких поколений, и обнаружить их непросто. Однако этот процесс, набиравший силу в глубинах общественного сознания, вначале на уровне эмоций, оценок, неизбежно должен был так или иначе проявиться в продуктах интеллектуальной деятельности.

Наиболее очевидные свидетельства происшедшего переворота в общественном сознании в эпоху Юлиев-Клавдиев - это, с одной стороны, аполитизм значительной части правящего класса, проявившийся в безмерной лести императору одних, неумной жажде влияния и денег других и абсентизме третьих. С другой - это осмысление самого факта происшедшего переворота, проявившееся как в сфере теории, так и в появлении сенатской оппозиции, идеология которой включала положение о некоем оставшемся позади рубеже, разделившем "древнюю республику" и новый порядок вещей, которым был принципат. Последний мыслился как монархия. Появление и распространение такой, условно говоря, "республиканской оппозиции" (это была не антимонархическая, а лишь антиираническая, выражаясь в терминах политической философии стоицизма, оппозиция) в эпоху Юлиев-Клавдиев было выявлением оборотной стороны идеологии Августовой *res publica restituta*. Формулировка этих идей в период правления Нерона принадлежит, в частности, Сенеке. Он, безусловно, был первым, кто придал им ясную литературную форму (*De ira*, *De clementia*, *De beneficiis* etc.), в то время как Тразей Пет стал символом "стоической оппозиции" в сенате. Но найдем ли мы нечто подобное, пусть в зародыше, во времена Августа?

На поставленный вопрос можно дать лишь отрицательный ответ. Если не путать оппозицию как идеологически обоснованное, противостоящее режиму политическое течение (не говоря уже об организации) с проявлениями личных амбиций, связанных с республиканским еще по происхождению духом соперничества, или с другими мотивами личного порядка, то никто из обычно называемых оппозиционеров Августова века не подходит на роль предшественников Сенеки или Тразеи. Это утверждение относится в том числе к Гаю Азинию Поллиону, Титу Лабиеву и Кассию Северу.

Отсутствие оппозиции объясняется значительным соответствием режима Августа ожиданиям и потребностям римского общества, в чем проявился политический гений основателя принципата. Все же и он не мог избежать ошибок. Некоторыми своими мероприятиями Август невольно подталкивал общественное сознание к осмыслению происшедшего в качестве переворота. В эпоху кардинальных, хотя и трудных для

осмысления, изменений, достаточно было небольшого толчка, чтобы зародились мысли, вокруг которых начался процесс кристаллизации новой ментальности. В числе таких провоцирующих факторов оказались некоторые известные акции Августа: от претенциозных построек до провозглашения Нового века. Это были невольные "подсказки" и объекты критики для реальных или потенциальных критиков режима.

Логика подобных процессов в сфере идеологии может быть прослежена при анализе *Res gestae*, которые являются едва ли не самым ранним сохранившимся свидетельством перемен. В окончательной версии "Деяний", а она была в основном создана в последние два десятилетия до н.э., Август постарался отмежеваться от воспоминаний о борьбе за власть после смерти Цезаря. Создавался имидж последовательного борца за "республику" и Отца отечества. С другой стороны, полемический тон первых и заключительных глав *Res gestae*, где автор настойчиво обосновывает свой изначальный и последовательный "республиканизм", показывает, с какой стороны полетели стрелы критики. От них Август защищался версией единовременного "восстановления республики". Через несколько десятилетий, *mutatis mutandis*, эта трактовка была повернута против него, превратившись в концепцию коварного, сознательно спланированного установления монархии.

Зарождение и оформление "республиканской" оппозиции режиму было одним из важнейших факторов, повлиявших на его дальнейшую эволюцию. Можно реконструировать две формы идейной оппозиции, которые брали начало в политических перипетиях последних десятилетий Республики, вновь напомнив о себе на зрелом этапе развития Августова принципата. Истоки "помпеянства" - в честолюбии выдающихся нобилей и доходящем до разнузданности духе республиканской вольницы. Исторически "помпеянство" развенчало себя гражданскими смутами, войнами и не представляло серьезной опасности для режима, вызывая со стороны серьезных политиков, включая Августа, лишь снисходительную усмешку.

Более радикальным и теоретически обоснованным был "катонизм", опиравшийся на некоторые идеи стоицизма. Активность поклонников Катона Утического спровоцировала появление очередного памфлета "Антикатон", причем на сей раз - из-под пера самого принцепса. Тем не менее Августу до конца своего правления удалось удержать "республиканизм" в лоне правительственной идеологии, предотвратив тем самым оформление сколько-нибудь влиятельной оппозиции режиму. Нарушение этого неустойчивого равновесия должно было привести к неизбежным трудностям, стимулируя усиление единоличной власти. Эта тенденция обнаружила себя уже в правление Тиберия, проявившись в процессе Кремуция Корда (25 г. н.э.), официально обвиненного собственно в том, что он открыл тайну рубежа, отделявшего новый режим от "Республики" (*Tac. Ann.IV. 34, ср.: Sen. Cons. ad Marc. 22.4 sq.*).

Переход к монархии не был единовременным актом. "Римская революция" происходила на протяжении нескольких десятков лет, причем одновременно и поочередно в разных областях общественной жизни. Но в конечном счете направление и исход событий определили метаморфозы, происходившие в сфере ментальности. Решающий отрезок этих

превращений приходится на эпоху Августова мира. Это была "тихая революция", во время которой не звенели мечи, продолжал собираться сенат и избирались консулы.

J A . J U . M E Ž E R I C K I J

**IL PRINCIPATO DI AUGUSTO:
DALLA REPUBBLICA
ALLA MONARCHIA**

(RIASSUNTO)

Solitamente il principato viene considerato come un regime instaurato nel 27 a.C., che unisce il dominio di una sola persona alla conservazione degli istituti repubblicani. Augusto, il fondatore del principato, viene presentato come un usurpatore cinico ed ipocrita che si difende con la fraseologia repubblicana. Ma per giudicare il carattere del regime stabilito da Augusto, bisogna esaminare soprattutto le opinioni di chi partecipò e fu testimone di quegli eventi. Solo così il principato diventa per noi ciò che fu per i contemporanei. Non disponiamo di alcuna testimonianza del tempo a favore dell'ipotesi secondo la quale il regolamento del 27 a.C. veniva considerato, in Italia ed a Roma, come un attentato alla *res publica*.

Al contrario, i contemporanei erano entusiasti, vedendo in questa azione il ristabilimento dell'ordine abituale. (CIL.VI. 876. IX. 5811; Liv. *Per.* 134; Ovid. *Fast.* 589). Nonostante che Augusto fosse un monarca per le province orientali, questo non gli impediva di essere per l'Italia il "salvatore della repubblica": è impossibile conoscere la data precisa della trasformazione della "repubblica salvata" in monarchia. Anche se si esamina una sola regione, l'Italia, è evidente la gradualità di questo processo

nell'arco di alcune generazioni. La mancanza di una opposizione nei confronti di Augusto va spiegata attraverso la notevole soddisfazione che il suo regime dava ai bisogni della società romana del tempo.

Tuttavia, nell'epoca di grandi cambiamenti, una piccola spinta può essere sufficiente per generare il processo di cristallizzazione di una nuova mentalità. Per questa spinta servirono alcune azioni da parte di Augusto: dalle costruzioni imponenti alla proclamazione di un "Nuovo secolo". I discendenti dell'opposizione "repubblicana" influirono fortemente sulla successiva evoluzione del regime. Fino alla fine del suo potere personale, Augusto riuscì a tenere il "repubblicanesimo" nei limiti dell'ideologia dominante, senza permettere la creazione di una forte opposizione. Ma, il fallimento di questo equilibrio avrebbe causato una crescita del potere individuale - come succedette durante il dominio di Tiberio (Tac. *Ann.* IV. 34). Il passaggio alla monarchia interessò alcuni decenni e provocò le trasformazioni di mentalità. L'epoca della pace Augustea fu la decisiva tappa di questa trasformazione.